



Санкт-Петербургский государственный университет  
промышленных технологий и дизайна

2023

ТОМ I

РОССИЯ И МИР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

2023

# РОССИЯ И МИР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

к 320-летию основания Санкт-Петербурга  
Материалы XXIX международной научной  
конференции

Санкт-Петербург,  
7 апреля 2023 г.

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение  
высшего образования  
«Санкт-Петербургский государственный университет  
промышленных технологий и дизайна»

**РОССИЯ И МИР**  
**В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

к 320-летию основания Санкт-Петербурга

Материалы XXIX международной научной конференции

Санкт-Петербург, 7 апреля 2023 г.

**Том I**

Санкт-Петербург

2023

УДК 94(470)+94(100)(063)

ББК 63.3(2)+63.3(0)я43

P76

P76 **Россия и мир в исторической ретроспективе, к 320-летию основания Санкт-Петербурга:** матер. XXIX-й междунар. науч. конф.: в 3 т. Санкт-Петербург, 7 апреля 2023 года / под ред. С. И. Бугашева, Ю. В. Ватолиной, А. С. Минина. Т. 1. – Санкт-Петербург: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2023. – 561 с.

ISBN 978-5-7937-2304-6

В сборнике опубликованы доклады, представленные на XXIX международной научной конференции «Россия и мир в исторической ретроспективе», посвященной 320-летию основания Санкт-Петербурга, проходившей в Санкт-Петербургском государственном университете промышленных технологий и дизайна 7 апреля 2023 года. Рассматриваются разнообразные вопросы отечественной и всемирной истории, философии, культурологии и других гуманитарных дисциплин. Особое внимание уделено освещению истории основания и развития Санкт-Петербурга, петровским реформам и личности императора Петра Великого. Подчеркнуто значение изучения отечественной истории для воспитания студенческой молодежи.

Предназначен для всех интересующихся отечественной и мировой историей, философией и другими гуманитарными науками.

УДК 94(470)+94(100)(063)

ББК 63.3(2)+63.3(0)я43

ISBN 978-5-7937-2304-6

© ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2023

**Чумакова Татьяна Витаутасовна**

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Подготовлено при поддержке Российского научного фонда грант № 22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX — нач. XX вв.»

## **ОБРАЗ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ЦЕРКОВНОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

**Аннотация:** Статья посвящена трансформации образа императора Петра I в российской церковной панегирической и церковно-исторической науке XVIII – XIX вв. В работе отмечается влияние идеи патронализма и патрократии на генезис представлений о верховной светской власти в России в допетровский период и развитие титула «Отец Отечества», который был присвоен царю Петру Алексеевичу вместе с императорским титулом, и часто использовался в панегирической литературе XVIII – XIX вв. При этом отмечается, что патронализм и связанная с ним титулатура были инструментами, необходимыми для совершения дисциплинарной революции.

**Ключевые слова:** образ Петра I, российское государство, дисциплинарная революция, реформы, церковный дискурс.

## **THE IMAGE OF PETER THE GREAT IN THE CHURCH DISCOURSE OF THE RUSSIAN EMPIRE**

**Summary:** The article is devoted to the transformation of the image of Emperor Peter I in the Russian church panegyric literature and church history of the XVIII – XIX centuries. The paper notes the influence of the idea of patronalism and patronage on the genesis of ideas about the supreme secular power in Russia in the pre-Petrine period and the development of the title «Pater Patrium» (Father of the Fatherland), which was assigned to Tsar Peter Alekseevich along with the imperial title, and was often used in the panegyric literature of the XVIII - XIX centuries. At the same time, it is noted that paternalism and the associated titlature were the tools necessary to carry out a disciplinary revolution.

**Keywords:** the image of Peter I, the Russian state, disciplinary revolution, reforms, church discourse.

В последние несколько десятилетия историография церковно-государственных отношений в Российской империи пополнилась множеством работ, посвященных проблеме отношения церкви и государства. Благодаря скрупулезным исследованиям историков был окончательно развеян давний миф о том, что церковь в империи была лишь винтиком государственной машины,

безропотной служанкой<sup>1</sup>. Отношение церкви к деяниям императора Петра Великого в XVIII – нач. XX вв. отражает всю реальную сложность церковно-государственных отношений в Синодальный период, который некоторым кажется едва ли не временем «симфонии» церкви и власти. Идея о таких «симфонических» отношениях вполне логично следует из теоретических построений, который пронизывали культуру византийского макрорегиона, но при этом редко соответствовали реальным отношениям церкви и светской власти (за исключением тех немногих случаев, когда власть фактически оказывалась в руках князей церкви, как это было, например, в начале правления царя Михаила Федоровича, который правил совместно со своим отцом патриархом Филаретом). Но в реальности все было несколько иначе, и несогласные были, это хорошо известно по материалам следственных дел, но чаще это вплоть до второй половины XIX в. в церковном дискурсе не обсуждалось.

Церковная реформа императора Петра Первого неоднозначно была воспринята клириками, но та часть епископата, которая фактически вместе с императором занималась строительством Российской империи, внесла едва ли не основной вклад в сакрализацию его образа, а также способствовала развитию патерналистского дискурса, который оказывал существенное влияние на церковно-государственные отношения. Роль этого дискурса стала возрастать в культуре России еще в XVI в. появляясь не только в текстах (тут достаточно вспомнить послания царя Ивана Грозного), но и в визуальных образах, и прежде всего в новых для России иконографических типах Св. Троицы. Иконографический тип "Отечество" (на иконах этого типа мы видим изображение Бога Отца в виде старца «ветхого днями», восседающего на престоле, рядом с ним, иногда на коленях, восседает второе лицо – Бог Сын Иисус Христос, а над их головами в образе птицы парит Св. Дух) получает распространение в правление Ивана Грозного. Этот тип повсеместно встречается в соборах и дворцовых помещениях Московского Кремля, отделка которых производилась во времена Ивана Грозного. Он же украшает Свяжский собор Успения Пресвятой Богородицы (1561), в котором полностью сохранились фрески XVI в. Очевидно именно такой тип Троицы, выражающий идею патронализма, и даже патрократии, был близок царю. И когда дьяк Иван Висковатый выступил на церковном соборе 1553 г. против подобных изображений, он сам был обвинен в ереси<sup>2</sup>. Несмотря на неоднократные попытки объявить этот образ «неканоническим», в частности, на Большом Московском Соборе, «Отечество» становится едва ли не самым часто

---

<sup>1</sup> Рогозний, П.Г. Российская церковь имперского периода в новейших трудах отечественных историков. Историографический комментарий к статье Грегори Фриза «Служанка государства? Переоценка роли церкви в императорской России» // Фриз Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: сб. статей / пер. с англ. А. Глебовской, М.Долбилова; под ред. П. Рогозного. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге – 2019. – С. 45–54.

<sup>2</sup> Сарабянов, В. Д. Символично-аллегорические иконы Благовещенского собора и их влияние на искусство XVI века // Благовещенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М.: Федеральное гос. учреждение "Гос. ист.-культурный музей-заповедник "Московский Кремль" – 1999. – С. 164 – 217.

изображаемым в храмах России, особенно часто встречаясь в тех, что строились при поддержке верховной власти (хотя, возможно, это совпадение является случайным). В 1666 г. была окончена роспись Архангельского собора Московского Кремля, в центральном своде которого можно видеть «Отечество», двадцатью годами позже по царскому заказу был расписан Троицкий собор Ипатьевского монастыря в Костроме (1684). Эта традиция продолжилась и в Синодальный период. Одним из прекрасных образов «Отечества» является мозаика, созданная по эскизу В.М. Васнецова для собора Александра Невского в Варшаве. Этот кафедральный собор, освященный в 1912 году, должен был стать свидетельством мощи государственной церкви и господства Российской империи в Польше. Именно так его воспринимали и поляки, и поэтому, несмотря на несомненные выдающиеся эстетические достоинства собора и сопротивление польских православных, он был снесен как символ империи. Выше уже было сказано, что этот иконописный тип является воплощением идеи патрократии. О патрократии как характерной черте русской религиозно-философской мысли (и даже православной традиции в целом) писал в своей работе «Превращения смысла» известный славист И.П. Смирнов. Он отмечает, что «Патрократия была устойчивой чертой философии православия, поставившего во главу угла догмат об исхождении Святого Духа только от Отца»<sup>3</sup>. Смирнов еще более заостряет этот вопрос, утверждая, что патрократия, преобладавшая в православном умозрении, толкала его к фундаментализму и экспансионизму. Официальным признанием патроналистской роли государя стало принятие царем Петром Алексеевичем в 1721 году титулов императора и «Отца Отечества» (*Patria Patriae*). Титулатура «Отец Отечества» активно использовалась как в панегирической церковной литературе, посвященной Петру Великому, так и позже, этот титул упоминался в связи со всеми последующими российскими императорами, включая императора Александра II. Надо отметить, что этот титул присваивали и европейским правителям, так после смерти Козимо Медичи (1389 – 1464) он был официально прославлен как *Patria Patriae*, что вполне соответствовало литературной традиции раннего поколения гуманистов Флоренции, которые были вдохновлены республиканским патриотизмом. И помня о том, что это был титул римских императоров, они восхваляли Козимо как ученого и мудреца<sup>4</sup>. Столетием позже в английской панегирической литературе эпитет «*Patria Patriae*» присваивается королю Англии Якову Первому (1566 – 1625)<sup>5</sup>. Служение такому государю представлялась не только как акт гражданского послушания, сколько проявление христианской добродетели, поскольку он не только представляет, но и отчасти олицетворяет Бога на земле, и служащие ему

---

<sup>3</sup> Смирнов, И. Превращения смысла. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. С. 121.

<sup>4</sup> Brown, A. M. The Humanist Portrait of Cosimo de' Medici, *Pater Patriae* // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. – 1961. – Т. 24. – №. 3-4. – С. 186-221.

<sup>5</sup> Marchitello, H. *Pater patriae: James I and the Imprint of Prerogative* // *Printing and Parenting in Early Modern England*. – Routledge, 2017. – С. 303-324.

через это возвышаются, а те, кто противодействуют царской власти, неизбежно воспринимаются как вероотступники.

Необходимо уточнить, что все приведенные нами примеры проявления патроналистского дискурса полностью вписываются в контекст дисциплинарной революции, которая и в России, и в Европе началась в XVI в. Ф. Горски, который первым предложил концепцию дисциплинарной революции применительно к трансформациям культуры Раннего Нового времени, писал, что формирование национальных государств в Европе раннего Нового времени (1517-1789) не было исключительно продуктом административных преобразований правителей. Это также было результатом той дисциплинарной революции, которая возникла в рамках различных религиозных движений (в Европе таким движением, по его мнению, был кальвинизм). Дисциплинарная революция происходила на трех уровнях: первый, это привитие моральной самодисциплины; второй, это поддержания коллективной дисциплины в сообществе верующих с помощью различных институциональных стратегий; в третьих, это различные реформы, влияющие на жизнь социума, целью которой является повышение народной дисциплины. Эти движения были связаны во многом с новыми политическими элитами (бюргерами), а также с монархиями, которые стремились к созданию централизованных государств. Результатом была глубокая трансформация социальной и институциональной жизни, дисциплинарная революция с далеко идущими последствиями для государственного строительства<sup>6</sup>. Император Петр I, опираясь на лояльное ему священство, продолжил ту дисциплинарную революцию, которая была начата его предшественниками, и предполагала полную трансформацию религиозной жизни и воспитание идеальных подданных. Основным проводником этих идей была церковь, которая официально однозначно поддерживала политику императора. Образ Петра Первого в церковной литературе XIX в. был однозначно идеальным. Можно привести множество примеров, где он предстает как «подражатель Христа», как просветитель России и конечно же «Отец Отечества» (проповеди и другие произведения Феофана Прокоповича, Гавриила Бужинского и др.). И это при том, что, как показывают следственные дела XVIII в., мнение священства об императоре и его церковных реформах было далеко от идеала.

Тема реформ в церковной литературе в послепетровское время стала фигурой умолчания. О ней просто не говорили. Можно предположить, что церковные авторы проявляли то, что называется «ложным смирением», и ясно помнили о необходимости самоцензуры. Так законоучитель царственных особ, наиболее влиятельный церковный иерарх конца XVIII – начала XIX вв., митрополит Московский и Коломенский Платон (Левшин) (1737-1812) в своей работе «Краткая церковная российская история, сочиненная преосвященным Платоном, Митрополитом Московским в Вифании» писал: «Какие были

---

<sup>6</sup> Gorski, P. S. The Protestant ethic revisited: disciplinary revolution and state formation in Holland and Prussia //American Journal of Sociology. – 1993. – Т. 99. – №. 2. – С. 265-316.

причины упразднения патриаршества, оныя объяснены в духовном Регламенте, в испытание которых входит не должно»<sup>7</sup>, либо в лучших традициях панегиристики прославляли все деяния императора, заявляя, что и все церковные реформы были «к благу». В частности, можно указать «Историю русской Церкви» Филарета (Гумилевского) (СПб., 1848). И эта ситуация сохранялась практически до конца правления императора Николая Первого. В конце XIX столетия ситуация меняется, появляются статьи в религиозной периодике: в «Христианском чтении», и в «Православном собеседнике», а также в трудах Казанской Духовной академии, но наиболее активная полемика разворачивается в начале столетия в «Богословском вестнике». Выходит множество работ, содержащих достаточно много критики различных аспектов церковных реформ императора Петра I (работы Н. Заозерского, П. Тихомирова, Е. Голубинского, Н. Каптерева, П. Верховского и др.).

Изменение оценок петровских церковных реформ в церковной периодической печати и научных трудах, их открытая критика в церковном дискурсе конца XIX – нач. XX вв. связана не только с уменьшением цензурного гнета, но и с тем, что священнослужители и преподаватели духовных учебных заведений, стремясь к реформированию внутренней жизни церкви, желали реформировать и ее отношения с властью, и начали открыто выражать недовольство церковно-государственными отношениями в Российской империи. Церковь стала «эмансипироваться», не желая быть лишь «служанкой государства»<sup>8</sup>, она требовала больше свободы от светской власти, независимости, и даже возрождения патриаршества. Нежелание государства прислушаться к голосу клириков стало одной из причин того, что значительная часть епископата поддержала в 1917 г. Февральскую революцию.

### Список литературы:

1. Brown, A. M. The Humanist Portrait of Cosimo de'Medici, Pater Patriae //Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. – 1961. – Т. 24. – №. 3-4. – С. 186-221.
2. Freeze, G. L. Handmaiden of the state? The Church in Imperial Russia reconsidered //The Journal of Ecclesiastical History. – 1985. – Т. 36. – №. 1. – С. 82-102.
3. Gorski, P. S. The Protestant ethic revisited: disciplinary revolution and state formation in Holland and Prussia //American Journal of Sociology. – 1993. – Т. 99. – №. 2. – С. 265-316.
4. Marchitello, H. Pater patriae: James I and the Imprint of Prerogative //Printing and Parenting in Early Modern England. – Routledge, 2017. – С. 303-324.
5. Платон (Левшин) Краткая церковная российская история. В 2-х томах. Т. 2. – М.: Синодальная типография, 1805. – 352 с.

---

<sup>7</sup> Платон (Левшин). Краткая церковная российская история. В 2-х томах. Т. 2. . – М.: Синодальная типография, 1805. – 352 с. с. 275

<sup>8</sup> Freeze G. L. Handmaiden of the state? The Church in Imperial Russia reconsidered //The Journal of Ecclesiastical History. – 1985. – Т. 36. – №. 1. – С. 82-102.

6. Rogoznyy, P.G. Rossiyskaya tserkov' imper'skogo perioda v novejshix trudah otechestvennyx istorikov. Istoriograficheskij kommentarij k stat'je Gregori Friza «Sluzhanka gosudarstva? Pereocenka roli tserkvi v imperatorskoj Rossii» // Friz G. «Gubitel'noe blagochestie»: Rossijskaja tserkov' i padenie imperii: sb. statej / per. s angl. A. Glebovskoj, M. Dolbilova; pod red. P. Rogoznogo. – SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge – 2019. – S. 45–54.
7. Sarabjanov, V. D. Simvoliko-allegoricheskie ikony Blagovещенского собора и их влияние на искусство XVI века // Благовещенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. – М.: Федеральное гос. учреждение "Гос. ист.-культурный музей-заповедник "Московский Кремль" – 1999. – С. 164 – 217.
8. Smirnov, I. Prевращения смысла. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – 300 с.